Очарованная мраком

Автор:
Альбина Нури

Морок

Альбина Нури

За пределом реальности

Мама умерла, когда Дина была совсем маленькой. Отец вырастил ее, они всегда были близки, и она подумать не могла, что он может променять любимую дочь на новую жену.

Однако это случилось, и мачеха оказалась такой же лживой, жестокой и лицемерной, как в сказке про Золушку… Азалия стремилась поссорить отца с дочерью, и ей это удалось. До самой смерти несчастный и не подозревал, на какой ужасной женщине женился.

После того, как отец умер, Дина осталась один на один с мачехой. Жизнь девушки превратилась в кошмар: ее мучили жуткие галлюцинации, ночные кошмары и пугающие видения.

Окружающие считали, что девушка тоскует по отцу и сходит с ума, но Дина была уверена: к ее состоянию непостижимым образом причастна Азалия, сильнейшая ведьма, которая погубила отца, а теперь пытается извести и ее саму.

Книга также издавалась под названием «Очарованная мраком».

Альбина Нури

Морок

Философ хотел оттолкнуть её руками, но, к удивлению, заметил, что руки его не могут приподняться, ноги не двигались; и он с ужасом увидел, что даже голос не звучал из уст его: слова без звука шевелились на губах. Он слышал только, как билось его сердце; он видел, как старуха подошла к нему, сложила ему руки, нагнула ему голову, вскочила с быстротою кошки к нему на спину, ударила его метлой по боку, и он, подпрыгивая, как верховой конь, понес её на плечах своих… Когда уже минули они хутор и перед ними открылась ровная лощина, а в стороне потянулся черный, как уголь, лес, тогда только сказал он сам в себе: «Эге, да это ведьма».

…В тех же самых чертах он видел что-то страшно пронзительное.

Он чувствовал, что душа его начинала как-то болезненно ныть…

Рубины уст её, казалось, прикипали кровию к самому сердцу.

Вдруг что-то страшно знакомое показалось в лице ее.

– Ведьма! – вскрикнул он не своим голосом, отвел глаза в сторону, побледнел весь и стал читать свои молитвы…

Н. В. Гоголь. Вий

Пролог

…Всякий раз, когда вспоминаю ту страшную весну, когда перебираю в памяти подробности случившегося, меня мучает одна и та же мысль: могла ли я что-то изменить? Могло ли не случиться того, что случилось?

Раз за разом так и эдак прокручиваю в голове всевозможные сценарии и варианты развития событий, выискиваю детали и подробности… Но как ни пытаюсь сложить пазл по-новому, мне это никогда не удается.

Иногда так хочется поддаться искушению и убедить себя, что всего этого не было и быть не могло. Но с таким же успехом можно встать на рельсы прямо перед надвигающимся поездом, закрыть глаза и упрямо твердить, что этот локомотив – лишь плод больного воображения. Результат будет один: тебя расплющит в лепёшку.

Это было, действительно было со мной – и от этого никуда не деться.

Но самое ужасное, что ничего еще не кончилось…

Часть первая

Глава 1

Примерно пару лет назад отец произнёс фразу, которая навсегда врезалась мне в память:

– В году 365 дней, – сказал он, – в один из них человек рождается. А потом живёт год за годом: 365, ещё 365, ещё, ещё… И не подозревает, что какой-то из этих дней станет датой его смерти. Много раз перешагивает этот рубеж, переживает роковые сутки. Но однажды неизбежно споткнётся.

Отец споткнулся о десятое февраля. До весны, которую любил и всегда ждал, он не дожил восемнадцать дней.

Случилось все внезапно. Папа, как обычно, вышел на балкон покурить перед сном. Азалия, его вторая жена, отправилась в ванную, а выйдя, обнаружила, что мужа до сих пор нет в комнате. Забеспокоилась, стала звать. Выглянула на

балкон – а он лежит там. Уже мёртвый.

По крайней мере, так она рассказывала о том вечере всем, кто готов был её слушать. Врачам со скорой осталось только развести руками, констатировать смерть и выразить соболезнования вдове. Больше соболезновать было некому: я к тому времени перебралась в крошечную съёмную квартирку и жила отдельно.

– Как же так, Наиль? Что же ты так рано ушёл? – в сотый раз простонала Азалия и громко всхлипнула.

Тётя Нелли, папина старшая сестра, обняла сноху за плечи, успокаивающе погладила по руке и метнула в мою сторону укоризненный взгляд. Я прекрасно понимала, о чем она думает: сидит, мол, как каменная, ни слезинки. Дочь называется! А Аличка, даром что знала Наиля всего-то год, вон как убивается.

Я и в самом деле будто окаменела, покрылась ледяной коркой. Сидела, покачиваясь в такт движению автобуса, и не могла ни пошевелиться, ни вымолвить хоть слово. Даже дышать удавалось с трудом: воздух проталкивался внутрь мелкими, короткими рывками.

– Ничего, дорогая, ничего, успокойся, не плачь. Нельзя так, нельзя, – тихо шептала тетя Нелли, то и дело поправляя сползающие на нос очки. – Хорошо, хоть последний год жизни Наиль был так счастлив благодаря тебе.

Азалия кивнула, мученически улыбнулась сквозь слезы и аккуратно промокнула глаза кружевным платочком. Они склонились друг к другу, словно попугаи-неразлучники, чуть лбами не стукнулись.

На мачехе была длиннополая норковая шуба и элегантная чёрная шляпка с траурной вуалью. И когда только успела купить?

Мы ехали в катафалке, сидя друг напротив друга, как две враждующие армии. Отец лежал между мною и ними, закутанный в покрывала. Гроба не было: папу хоронили по мусульманскому обычаю. Я тупо смотрела на прикрытую куском плотной ткани мумию у своих ног и не могла заставить себя понять, что это – действительно он.

Мой отец. Единственный родной человек на всем белом свете. Разве мог он уйти вот так, не сказав на прощание ни слова?

Зима в этом году была необычайно снежная. «Мело, мело по всей земле, во все пределы…» – всплыли в памяти строчки. Вечно у меня одно и то же! Хорошо ли, плохо ли – на уме одни стихи да романы. Мечты и иллюзии, полный отрыв от реальности. Всю жизнь читала, грезила… А отца уберечь не смогла.

Наконец автобус доехал до кладбища и остановился.

К могиле нужно было пробираться по узкой, протоптанной могильщиками тропочке между надгробьями. Снегу – почти по пояс. Все шли гуськом, след в след.

Я еле-еле переставляла ноги в коричневых сапогах на два размера больше, чем нужно: моя собственная обувь осталась дома, в папиной квартире. Татьяна, наша соседка снизу и моя старшая подруга, чуть не силком стащила с меня замшевые коротенькие ботики:

– Совсем сдурела! Это все равно что босиком! Через пять минут ноги отморозишь!

– Да у меня нет других, – попыталась я отбиться от нее.

Какие сапоги? Какая разница?

– Зато у меня есть, – отрезала Татьяна. – Надевай!

– Велики же…

– Главное, не малы! Носки дам, наденешь и пойдёшь. Без разговоров!

С Татьяной всегда так: легче уступить, чем спорить. Пришлось напялить и толстые носки, и сапоги, и теперь мне казалось, что на ногах у меня тяжелые кандалы. Я волочила их за собой покорно, как каторжник.

Похоронная процессия чёрной змеей вилась от аллеи к разрытой могиле. Вместе со всеми я продвигалась к ней ближе и ближе. Жирные вороны, похожие на чернильные кляксы, примостились на голых ветках, поглядывая умными глазами на вереницу людей.

Народу пришло много. Папиных коллег, деловых партнеров и немногих приятелей я знала в лицо, хотя и не всех помнила поимённо. Они подходили ко мне, что-то говорили тихими печальными голосами. Некоторые неловко, торопливо совали мне деньги, точно стеснялись чего-то. Чего? Того, что они живы и здоровы, у них всё хорошо и спокойно, а я хороню отца?

Родственников у нас мало. Из маминых и вовсе никого не осталось. Дедушка и бабушка, мамины родители, умерли вскоре вслед за ней. В тот же год. Не смогли пережить смерть своего единственного ребенка.

Папины родители тоже умерли, осталась только сестра, тетя Нелли. После института уехала по распределению в Екатеринбург (тогда он еще назывался Свердловск), там и осталась. Вышла замуж, родила сына и дочь, так что у меня есть двоюродные брат и сестра. О которых, впрочем, я знаю куда меньше, чем об известных актерах или телезвездах. Любой, кто хоть изредка смотрит телевизор или пользуется Интернетом, в курсе их дел. А Лена и Саша живут и живут себе за Уральскими горами. Что там с ними происходит? Если честно, я даже не помню точно, сколько им лет.

На похороны брат с сестрой не приехали, их отец тоже. Да и к чему им приезжать? Чтобы посмотреть, как тело чужого им человека опустят в мёрзлую глину?

Больше половины пришедших были родными, знакомыми и коллегами Азалии. Они сплочённым коллективом сгрудились возле неё: переминались с ноги на ногу, похлопывали вдову по плечам, утешали, лили за компанию слезы, вздыхали, качали головами. Косились на меня, и я легко читала в их взглядах осуждение вперемешку с жадным любопытством.

Возле могилы стоял папин лучший друг Альберт Асадов, любимый мною с детства дядя Алик. Постаревший, осунувшийся, с трясущимися руками и застывшим взглядом, он выглядел просто ужасно даже для такого момента. В другое время я бы сильно забеспокоилась, но в те минуты могла только

отстраненно отметить про себя этот факт. На большее меня не хватило.

Его жена, Зоя Васильевна, держала мужа за руку, готовая в любую минуту метнуться к нему с лекарствами наизготовку. Вчера вечером у дяди Альберта случился сердечный приступ, и она боялась повторения. Детей у них не было, и они жили, постепенно врастая один в другого, наподобие сиамских близнецов.

С дядей Аликом папа дружил лет тридцать. Они вместе работали на заводе, в проектном отделе, вместе ушли оттуда в бизнес, основали архитектурно-строительную фирму, «Мастерскую Айвазова и Асадова». Теперь фирма тоже осиротела.

Со стороны аллеи, разрывая скорбную кладбищенскую тишину, внезапно зазвучала музыка. Я вздрогнула от неожиданности и споткнулась, ткнувшись носом в спину идущей впереди женщины из свиты Азалии.

«Опустела без тебя земля», – плакала, причитала скрипка. Ее голос ввинчивался куда-то под кожу, дёргая обнаженные нервы.

– Скажите кто-нибудь, пусть перестанет! – не выдержала я.

Выкрик получился хриплым, грубым, как будто я разучилась говорить. Все стали оборачиваться, смотреть в мою сторону, как вороны с веток.

Мужчина в солидной коричневой дубленке, кажется, папин бывший одноклассник, протиснулся к аллее и начал что-то говорить рокочущим начальственным басом. Музыка резко смолкла.

– Человеку тоже зарабатывать надо, – проговорила женщина впереди, не успев понизить голос.

Конечно, а как же…

…Спустя примерно час всё было кончено. Возле могилы не осталось никого, кроме меня. Я сидела прямо на снегу, глядя на чёрный гранитный памятник – мамин. Отец всегда хотел быть похороненным возле неё. Азалия заикнулась было о новом кладбище за городом, но тут решительность проявила тётя Нелли:

она помнила папины слова на этот счёт и хотела исполнить его волю.

Теперь папа с мамой навсегда вместе. Им отворились двери в вечность, и они знают самую главную тайну, ту, что открывается только после смерти.

Сознание неизбывного одиночества и оглушающее, тяжкое горе вдруг тонким клинком воткнулись в мой измученный мозг, и я наконец заплакала. А начав, не могла остановиться. Скорчилась на истоптанном снегу и выла, как потерянная собачонка, захлёбываясь слезами.

В голове вспыхивали и гасли обрывки мыслей.

Папы нет и больше не будет. Он никогда не придёт. Не спросит, как дела. Не засмеётся. Не произнесет громко в телефонную трубку своё всегдашнее: «Да, слушаю». Не обнимет. Я не услышу его голоса, не поцелую в колючую щёку, не почитаю своих стихов. Никогда не смогу сказать ему, как сильно люблю и не сумею попросить прощения. И он не ответит мне: «Брось ты, это же такая ерунда в масштабе жизни».

У него больше нет этой жизни. Наверное, и даже наверняка, есть другая, но этой-то точно нет. И масштабы у него теперь совсем иные. Мне до них не дотянуться.

Я любила отца какой-то суеверной любовью, как язычник, припадающий к своему деревянному идолу, и всегда, всю свою жизнь боялась потерять его. Ведь он был моим миром, моим другом и соратником, и я никогда не мыслила себя в отрыве от него. Мне казалось, мы спаяны навечно, и если его не будет, в этот же миг не станет и меня. Всё было стабильно, справедливо, правильно при одном условии: папа – в пределах досягаемости. Даже когда мы отдалились друг от друга в прошлом году, он всё равно – был.

А сейчас, когда его не стало окончательно, я каждую секунду ощущала жуткую, неисправимую пустоту. Как можно приучить себя жить с такой дырой в сердце? Это было похоже на ампутацию части души. Оторванная часть ныла и дергалась, заставляя меня мучиться от фантомной боли.

Я плакала и плакала, но слёзы не приносили облегчения, только делали больнее, царапали, рвали горло и душу.

Глава 2

Мама умерла, когда мне было четыре года. Самое яркое и чёткое детское воспоминание связано как раз с её смертью: я помню, как папа, стоя на коленях, обхватил руками гроб, и плечи его тряслись от рыданий.

Я почти не помню маму – так, чтобы самостоятельно, своей собственной памятью, а не по фотографиям и папиным рассказам. И в этом заключается весь ужас и огромная несправедливость. Помню свою безграничную любовь к маме, но не её саму! В памяти осталось ощущение заботы, тепла и покоя, мягкость светлых пушистых волос и невыразимо уютный и родной запах. Никогда не признаваясь в этом отцу, зная, как больно будет ему это услышать, я всю жизнь тосковала по маме. Практически не помнила её присутствия, но зато остро ощущала отсутствие.

У нее обнаружилось редкое страшное заболевание – рассеянный склероз. Последний год своей недолгой жизни она провела в Москве, в больнице. Мы с папой приезжали туда навестить её, когда врачи разрешали.

Мне вспоминается палата с тремя койками, раковина в углу и то, как солнечные лучи косыми полосками лежали на жёлтом линолеуме. От этого пол нагревался: получалась одна полоска тёплая, другая прохладная. Я ходила по полу в одних носочках и ступнями ощущала то тепло, то холод.

Мама прижимала мою голову к своей груди, целовала в макушку и что-то говорила, теперь уже не вспомнить, что именно. Однажды я почувствовала, как на руку мне упала тёплая капля, подняла голову и обнаружила, что мама плачет. Никогда раньше я не видела, чтобы кто-то из взрослых плакал! Так растерялась, что тоже заревела.

Потом, когда стала чуть старше, я спросила отца, почему мама тогда плакала: ей было больно? А папа ответил, что нет, она рыдала вовсе не от боли. Маме было страшно.

– Она боялась умирать? Умирать страшно? – с детской прямотой поинтересовалась я.

Отец помолчал минутку, а потом ответил:

– Нет, дочь, я думаю, пугает не смерть сама по себе. Мама ведь просто ушла в иной мир. Люди не исчезают бесследно, они уходят туда, где мы уже не можем их видеть. Но они видят тех, кто остался жить. Мама плакала, потому что очень боялась за тебя и меня. Ей было невыносимо оставлять нас здесь одних.

Сейчас мне двадцать четыре. Именно столько, сколько было маме, когда та умерла. Я буду стареть, покрываться морщинами, седеть, горбиться, сохнуть или болезненно поправляться, а мама навсегда останется юной и прекрасной. Для неё земное время остановилось.

Как-то раз, ребенком, я услышала от кого-то, что называть дочь именем матери – очень плохая примета. Смертоносная. Мать отдаёт дочери свою жизнь и потому умирает молодой. Мою маму тоже звали Диной…

Помню, прибежала домой вся зарёванная. Рыдала в голос и кричала: «Зачем вы меня так назвали?! Разве мало было других имен?» Мне казалось, если бы они выбрали другое, назвали дочь, например, Наташей, Светой или хотя бы Дианой, изменили одну-единственную буковку, то мама была бы сейчас жива!

Папа тогда долго не мог меня успокоить. Разве можно растолковать охваченному отчаянием и болью ребёнку глобальные вещи вроде божьего промысла, судьбы, предначертания? Тем более если и сам нет-нет, да и усомнишься в справедливости мироустройства, при котором любимые жёны уходят так рано, оставляя мужей с крошками-дочками на руках…

После кладбища мы – я, тетя Нелли и Азалия – приехали домой. Туда, где я раньше жила с отцом и откуда осенью сбежала в съёмную «хрущобу».

Поначалу вместе с Азалией собиралась и добрая половина её знакомых и родственников, но та заявила, что ей нужно «прийти в себя».

На кладбище вдова внезапно заголосила, запричитала и сделала точно рассчитанную попытку броситься в раскрытую могилу. Несколько пар рук обхватили её, удержали, оттащили от края. Кто-то зарыдал, кто-то принялся совать ей в рот какие-то капли… Дешёвый спектакль.

Мы втроём сидели на просторной кухне: пили чай, отогревались. Чаёк был так себе, жидковат. Зато к нему прилагались пирожные. Разумеется, не собственного производства, а из супермаркета. Азалия любила обильно поесть, но терпеть не могла готовить. А если и бралась, то получалось чёрт-те что. Поэтому папа готовил сам, у него это отлично получалось.

Азалия своей кулинарной неумелостью гордилась, усматривая в этом признаки аристократизма. Каждый раз давала понять, что кастрюлями и сковородками гремят женщины попроще и поплоше. Замотанные и затравленные бытом тётки. Я не раз слышала, как она произносит:

– Шоколад и коньяк – вот моя еда. И не надо часами у плиты стоять, чтобы приготовить!

Сейчас она деловито, кусок за куском, укладывала в себя пирожные и запивала чаем. Папина смерть, как видно, не лишила её аппетита. Зрелище было почти неприличное, меня даже замутило. Я сделала глубокий вдох, чтобы отогнать подступающую дурноту, отвернулась от Азалии и огляделась по сторонам, словно оказалась тут впервые.

В каком-то смысле так оно и было.

Кухня, как и вся папина квартира, была отремонтирована в полном соответствии со вкусами новой хозяйки. Здесь теперь было броско, модно, современно, престижно, дорого… можно продолжить описательный ряд. По мнению Азалии, квартира теперь «приведена в нормальный вид». А мне стало постоянно казаться, будто я нахожусь в салоне интерьеров. Или на съёмках сериала про жизнь богатых и знаменитых.

И всюду, на всех мало-мальски пригодных поверхностях, стояли свечи, свечки и свечечки. Большие и маленькие. Разноцветные, в тяжёлых подсвечниках и на изящных подставках. Ароматизированные, необычной формы, самые простые.

– Динуша, ты ведь теперь опять сюда переберешься? – тётя Нелли совершенно по-отцовски сдвинула брови, так что между ними пролегла вертикальная складка. Сняла очки, и её глаза сразу стали казаться меньше, а лицо моложе.

Не успела я рта раскрыть, как Азалия тут же встряла со своей репликой:

– А как же? Зачем деньги на съемное жилье тратить? Которых, между прочим, и нет…

Деньги за мою квартиру платил отец. Кроме того, каждый месяц, с тех пор, как я поступила в институт, переводил мне на карточку определённую сумму. И продолжал помогать деньгами до последнего времени. Моей институтской зарплаты хватило бы ровно на три недели проживания в арендованной квартире, при этом на еду, бензин и прочее уже ничего не оставалось бы. Конечно, деньги у меня пока были, тратила я всегда мало, однако снимать жилье в сложившейся ситуации было непозволительной роскошью.

И, конечно, Азалия не преминула об этом напомнить.

Я разозлилась, но как-то вяло: энергии на сильные эмоции не хватало. Надо было крикнуть: «Не будь тебя, наглая ты стерва, не было бы и ссоры с отцом, и уходить из дому мне бы не понадобилось, и вообще, папа, может, был бы жив!»

Вместо этого я тихо – правда, как мне казалось, с некоторым вызовом пробормотала:

– Конечно, я сюда перееду. Это же и мой дом.

Слова прозвучали жалко и повисли в воздухе.

Тётя Нелли звякнула чашкой о блюдце и неуклюже заметила:

– Вы, девочки, теперь должны держаться вместе. Горе объединяет.

Азалия вдруг горячо поддержала её:

– Конечно, Неличка, а как же иначе? Я Диночку теперь от себя не отпущу, она мне как дочь!

Вот лицемерка гадкая! Да будь у неё такая возможность, Азалия прямо сейчас пинком вышибла бы меня за дверь: наша неприязнь всегда была взаимной и стойкой. Даже тетя Нелли, и та несколько опешила от столь явной демонстрации фальшивых чувств, но быстро взяла себя в руки и принялась петь дифирамбы душевным качествам снохи.

Я сидела и молча смотрела на Азалию.

До встречи с ней у отца, конечно, были женщины. Не могло не быть у здорового, сильного и молодого мужчины. А с годами, по мере роста его благосостояния, количество желающих прибрать к рукам интересного состоятельного вдовца, наверное, только увеличивалось. Но я ни разу не видела папу ни с одной из его пассий. Отец никого и никогда не приводил домой, не брал на дачу, не возил на отдых летом.

С Азалией он познакомился в марте прошлого года, почти за год до смерти. Она на своей «Приоре» задела папин автомобиль, когда парковалась. Я теперь сильно сомневаюсь, что это вышло случайно. Они начали общаться – сначала по поводу машин и страховки, дальше – больше. Азалия тоже была вдовой: муж умер восемь лет назад. Детей у нее не было. Уже в июне она переехала в нашу квартиру, а в начале августа они с папой поженились. На свадьбу отец подарил жене новую машину. Судьбоносная «Приора» была продана и забыта.

Всё-таки что отец нашел в Азалии? Хотя, если честно признаться, мужчинам она нравится. Вроде и фигурой не вышла: кургузая, с короткими полными ногами, тумбообразная, как в анекдоте: 90 – 90 – 90, где талию делать будем? Лицо словно бы мельчает книзу с каждой чертой: высокий крутой лоб, широкие скулы, светло-карие глаза чуть навыкате, острый нос с горбинкой, маленький рот с мелкими хищными зубками, крохотный подбородок.

Но чего не отнять, так это умения себя подать. Ухоженная, мягкокожая, сдобная. Рассыпчатый томный смех. Пышные блестящие волосы. Ленивая сексуальная грация. Протяжные, манящие интонации низкого голоса.

Я резко поднялась и выплеснула в мойку остывший чай.

– Тёть Нель, я пойду, наверное, – наклонилась и мазнула губами по тёткиной щеке. От щеки сладко пахло пудрой. Коротко взглянула на мачеху, кивнула ей и вышла из кухни.

Азалия проводила меня душераздирающим вздохом и выразительным поднятием четко прорисованных бровей. Я увидела, как тетка понимающе покачала головой и смерила меня осуждающим взглядом. Я шла по коридору, а в спину мне неслось:

– За что? Неличка, ну вот скажи – за что она так со мной? Разве я заслуживаю?

– Аличка, да что же ты такое… – завела Нелли.

– Погоди, погоди, – говорила Азалия глухим от слёз голосом, но достаточно громко, чтобы я тоже слышала. – Ты человек, который может посмотреть на ситуацию непредвзято. Скажи, что я ей сделала?! Гоню её из дому? Нет! Обзываю её, оскорбляю? Нет! Виновата только в том, что её отец выбрал меня. Неличка, я и сейчас так его люблю! Просто не знаю, как мне дальше жить без него. А в такой вот обстановке… не могу…

Она перестала сдерживаться и разрыдалась, уронив голову на руки. Возле двери в свою комнату я оглянулась и увидела, что тетя Нелли тоже заплакала и принялась поглаживать Азалию по волосам.

Я понимаю тетку: должно быть, ей больно, обидно за брата, которого не понимала собственная дочь, а еще, конечно, очень неловко. Азалию она, в сущности, практически не знает и видит второй раз в жизни. В июле, на свадьбе, новая родственница произвела на тетю Нелли благоприятное впечатление. Она не скрывала восхищения снохой и радости при виде отца: он тогда выглядел просто чудесно – сияющие глаза, ликующая улыбка… Должно быть, Азалия показалась ей женщиной умной, даже лучше того – мудрой, интеллигентной, душевной.

Она многим такой казалась.

Больше Азалия и тетя Нелли не виделись вплоть до похорон. Но каждый раз во время телефонных разговоров папа взахлёб рассказывал ей о своей Аличке. Мою

неприязнь к новой папиной избраннице Нелли считает проявлением эгоизма, ревности и самовлюбленности. Она очень на меня сердится и стыдится за мое поведение.

– Аличка, милая моя, успокойся. Что ты, перестань, пожалуйста, – беспомощно бормотала она. – Она же ещё совсем девчонка. Избалованная, конечно. Но ведь без матери росла, Наиль ей и за маму, и за папу. Не обижайся на неё.

– Разве я обижаюсь?! – почти выкрикнула Азалия. Я зашла к себе и закрыла дверь, но все равно слышала, как она дрожащим от слез голосом громко говорит: – Просто… неужели нельзя хоть на какое-то время забыть о конфликте? Ради памяти отца!

– Да, Аличка, да, – тетя Нелли невольно тоже стала говорить громче.

Я стояла, привалившись к двери, и зачем-то слушала весь этот бред.

– Он, конечно, избаловал её. Я всегда говорила, нужно жениться, у ребенка должна быть мать. Тем более у девочки! Так радовалась, что он наконец-то женился. Поздновато, конечно, Дина уже выросла… Ой, то есть я сказала не в том смысле, что ему надо было кого-то другого пораньше выбрать, а просто… – Тетка совсем запуталась в словах и замолчала.

– Так стараюсь, всей душой к ней готова, а она…

Азалия еще продолжала жаловаться и стенать, тетя Нелли ласковым воркующим голосом уговаривала ее успокоиться…

Головная боль нарастала, наполняла меня изнутри. Гудели ноги, слегка мутило. Я села на пол и сжала виски руками.

«Быстрее бы уж…» – почему-то подумала я.

А что – быстрее? Чего я ждала? Я и сама не могла понять. Но в глубине души усиливалось, ширилось какое-то странное, нехорошее чувство. Бывает же, когда ты откуда-то знаешь: должно случиться нечто плохое. Знаешь – и почти уже хочешь, чтобы оно случилось, потому что тогда кончилась бы неизвестность.

Одновременно с этим мне ужасно хотелось сбежать, оказаться подальше отсюда.

Напряжение висело в воздухе, как шаровая молния. Я некстати вспомнила, как в летнем лагере после отбоя ребята пугали друг друга страшилками про Чёрную руку, Красное пятно и эту самую молнию. Будто бы девочка и мальчик остались дома одни, а бабушка ушла и строго-настрого наказала закрыть окошко, если начнётся гроза. А иначе шаровая молния залетит! Но дети, естественно, не послушались, и огненный мяч влетел в окно, проплыл через всю комнату и сжег непослушных детей, а заодно и всю квартиру. Только угли остались.

Мне казалось, что и со мной тоже вот-вот случится что-то ужасное: чувство обреченности неумолимо надвигалось, наползало… Нет, не казалось – в тот момент я была в этом уверена.

Глава 3

С трудом поднявшись на ноги, я медленно пересекла комнату и подошла к окну. С нашего одиннадцатого этажа открывался шикарный вид. Правда, сейчас было темно, лишь далеко внизу вспыхивали и переливались разноцветные огни. Подмигивали фарами автомобили, щедро рассыпали бриллиантовые блёстки рекламные вывески, светились уютным светом окна домов. А чуть дальше – широкое тёмное пространство: это мирно дремала закованная во льды река.

Сменив жильё, я больше всего скучала именно по этой захватывающей дух панораме. Крохотная квартирка, которую я снимала, находилась на втором этаже, и мне страшно не хватало этого вольного волжского простора. Казалось, меня заживо засунули в тесный душный гроб.

Я задвинула шторы и опустилась на кровать, обвела взглядом комнату. Это мой мир, моя вселенная, место силы. Мы переехали сюда через пять лет после маминой смерти. До этого жили в квартире, которая осталась от бабушки и дедушки, маминых родителей. Сначала в «двушке» было тесновато: четверо взрослых и я. Потом жильцы один за другим стали навсегда покидать дом: мама, вслед за ней бабушка, потом дед. В конце концов, мы с папой остались вдвоём. Квартира осиротела, притихла, в углах затаилась скорбь.

Отец готов был пахать как проклятый, чтобы заработать на новое жилье и не возвращаться каждый вечер туда, где каждая мелочь напоминала об ушедшей жене и пропавшем счастье. К счастью, их с дядей Аликом бизнес вскоре стал приносить хороший доход. Продав старую квартиру, мы перебрались в противоположный конец города, словно спасались, бежали от чего-то.

Поначалу мне здесь не слишком понравилось: я привыкла к скромной маленькой «хрущевке», и новые хоромы, где одна комната была размером почти со всю прежнюю квартиру, показались мне неуютными, чужими, даже враждебными. А потом я вышла на полукруглую просторную лождию – и буквально потеряла дар речи от увиденного. Озорной свежий ветер, наполненный ароматами трав и цветов, гладил меня по щекам и ласково трепал волосы. Наш дом тогда стоял почти на окраине города. Внизу зеленели изумрудные луга и перелески, сверкающая на солнце река была похожа на широкую серебряную ленту. «Я сказочная принцесса в башне замка!» – пронеслось в голове.

Съехав отсюда, я чувствовала себя королевой в изгнании, но возвращение тоже не добавило радости. Мне казалось, что наш дом осквернён. Пожалуй, только эта комната, до которой руки Азалии так и не успели добраться, оставалась по-настоящему родной.

Я закусила губу и с трудом удержалась, чтобы снова не начать плакать. В комнате было тепло, но меня всё равно била дрожь. Надо бы сходить в прихожую за сумкой, взять таблетки: Татьяна сунула мне что-то успокоительное.

Только вот идти не хотелось. Тащиться мимо кухни, видеть, как наивная тётя Нелли успокаивает эту лживую бабёнку… Нет уж, спасибо, насмотрелась! Азалия сейчас не упустит возможности, такого расскажет обо мне – волосы дыбом встанут. Это она умеет.

«Надеюсь, тётя Нелли теперь хотя бы здороваться со мной не перестанет, – грустно подумала я.

А вообще-то, какая разница? Завтра улетит в свой Екатеринбург, пусть думает что хочет. Я боком завалилась на кровать, свернулась калачиком. Закрыла глаза. Лежать бы вот так и ни о чём не думать. Забыть, забыться.

Не вышло. Словно назло, наперекор желаниям, в прихожей заверещал мобильник. Я попыталась не обращать внимания, но звонивший был настойчив и твёрдо вознамерился пообщаться со мной.

Я вздохнула, сползла с кровати и тихонько вышла из комнаты. Заодно и таблетки возьму.

В кухне – та же картина. Тётя Нелли и Азалия вполголоса беседуют о чём-то. Голова к голове, голоса тихо журчат, слова льются и льются.

Внезапно мне захотелось пойти туда и разбить этот тет-а-тет. Заорать или швырнуть на пол что-нибудь тяжёлое. Например, уродливую вазу, которую Азалия притащила домой в первые дни своего появления и водрузила на столик в их с отцом спальне. Говорила, это эксклюзивная «модерновая» вещь ручной работы, которая стоит бешеных денег. Жуткая посудина. Терпеть не могу подобные «произведения искусства». Бесформенная груда, какой-то обрубок, смутно напоминающий человеческое тело без головы, закутанный в переплетение металлических полосок.

Разумеется, не стала я ничего бить и крушить. Незачем лить воду на мельницу Азалии. Давать ей шанс победно глянуть на тётю Нелли: а я что говорила?! Психопатка, чокнутая истеричка, социально-опасная грубиянка.

Я прошмыгнула к входной двери и принялась искать свою сумку. Умолкнувший было телефон снова разразился нетерпеливой трелью. Надо будет сменить мелодию: эта очень уж раздражающая.

Звонила Ира Косогорова. Коллега и приятельница. Хорошее словечко для таких отношений, как у нас: больше, чем просто знакомые, но меньше, чем настоящие друзья. Получив диплом, я осталась в институте, поступила в аспирантуру. Сейчас заочно училась, работала лаборанткой на кафедре культурологии и философии, писала диссертацию. Как у Пушкина хорошо сказано: «От делать нечего друзья». Больше ни Ире, ни мне общаться на кафедре не с кем. В основном контингент пожилой, солидные семейные люди. А тут и чаю есть с кем попить, и в магазин за пирожными сбегать, и на студентов оборзевших пожаловаться, и про коллег посплетничать. Правда, говорила в основном Ира, а я по привычке помалкивала и слушала.

Сейчас Косогорова хотела справиться о моем самочувствии.

– Привет, Динуля, – скорбно молвила она. – Ты как? Ничего?

– Нормально, – коротко буркнула я и тут же испугалась, что ответ прозвучал слишком грубо.

Однако Ира не обратила на это внимания и продолжила:

– Ты уж держись давай.

«За кого? Или за что?» – хотела я съязвить, но промолчала. Ира же старалась помочь. Зачем обижать человека?

– Стараюсь. Спасибо, что позвонила.

– Да что ты! Какое спасибо! Не могла не позвонить, не поддержать. Ты должна держаться.

«Далось ей это «держание», – поморщилась я.

Ира не успокаивалась:

– Слушай, все мы смертны… – глубокомысленно изрекла она. – То есть я хотела сказать… Понимаешь…

– Понимаю. Спасибо тебе, Ирочка. Я пойду прилягу, ладно?

– Ладно, ладно, конечно, – заторопилась Косогорова. – Ты уж завтра на работу не выходи. Отдохнёшь…

– Нет-нет, я выйду. Мне так легче.

– Да? Ну, пока, Динуля.

Экранчик погас. Телефон удовлетворённо замолчал. Я задумчиво смотрела на него. Неужели всё-таки ждала, что он позвонит? Где-то там, в запретной зоне, жила надежда? Я прислушалась к себе и честно призналась: нет, ничего уже не ждала. Разве что самую малость… Совсем не так, как раньше.

Я отключила телефон, небрежно бросила его в сумку, нашарила в боковом кармашке упаковку с пилюлями и торопливо прошла в ванную. В кухне наметилось какое-то движение, а сталкиваться с тёткой или Азалией желания не было.

Защёлкнула серебристый замочек и перевела дыхание. Как я буду жить с Азалией в одной квартире, если это вынужденное соседство вызывает такую неприязнь?

Ответа не было.

Я сунула в рот сразу две жёлтые таблетки, разделась и залезла под горячую воду. Обожаю принимать душ и валяться в ванне. В воде мне становится спокойно, легче думается – мысли обретают чёткость. Папа часто называл меня русалкой.

Быть может, я люблю воду, потому что это по гороскопу моя стихия: родилась 22 февраля, под знаком Рыб.

А ведь это будет первый день рождения без папы… И больше не от кого ждать поздравлений. Да и не нужны они ни от кого.

Я снова заплакала, слезы потекли по лицу вперемешку с водой.

Вылезла из ванной уже ближе к полуночи. К моему удивлению, очень хотелось спать. Видимо, таблетки подействовали: мысли сделались тягучими и вялыми. Я с трудом постелила себе, забралась в кровать и моментально заснула, не успев додумать мысль, что надо бы запереть дверь.

Глава 4

Обычно дорога на работу отнимала минут сорок, не больше. Но сегодня я добиралась до работы второй час, а еще и половины пути не проехала. Из-за снегопада, который начался со вчерашнего вечера и продолжался до сих пор, проехать было практически невозможно. Крупные пушистые хлопья валили с неба сплошной стеной, сугробы росли прямо на глазах. Дорожники не успевали расчищать магистрали, и поток машин двигался с выматывающей нервы черепашьей скоростью. К тому же то и дело случались аварии, и автомобили подолгу застревали в пробках.

Я уже опоздала на пятнадцать минут, позвонила и предупредила, что задерживаюсь. Трубку снял заведующий нашей кафедрой, профессор Семён Сергеевич Савин, которого за глаза все звали СС. Никакой связи с характером кличка не имела: профессор был безобидным милейшим стариканом, всю жизнь посвятившим преподаванию. Редкий случай: Савина обожали и студенты, и коллеги.

Институтские старожилы рассказывали, что лет десять назад у Савина случился второй инфаркт. Увезли на скорой прямо с экзамена. Все были уверены, что если Семён Сергеевич и выживет, то уж в институт точно не вернется. Но уже через два месяца легендарный СС был на своем посту. Несмотря на категорические запреты врачей и бурные протесты жены.

С тех пор в институте сменились два выпуска студентов. Жена Семена Сергеевича умерла от рака пять лет назад. Но его самого любимая работа крепко держала на этом свете.

Жил Савин в двух шагах от института, поэтому снегопад не помешал ему прийти на работу как обычно. Он неизменно являлся в восемь утра, вне зависимости от того, во сколько у него по расписанию занятия и есть ли они вообще. Думаю, живи профессор Савин в другом конце города, это бы ровным счётом ничего не меняло.

На мои оправдания СС рассеянно молвил:

– Не переживайте, Диночка, добирайтесь спокойно. Все опаздывают – такая уж нынче погода.

Требовательный к себе, к другим профессор был снисходителен. Однако никто и никогда его добротой не злоупотреблял.

Диджей по радио рапортовал о новых авариях на дорогах, водители психовали, «дворники» лихорадочно метались по стеклу, снег валил…

«Отличный день рождения! Лучше не придумаешь», – в сотый раз подумала я. Разумеется, был бы жив папа, ни снегопад, ни пробки, ни какие угодно катаклизмы не помешали бы мне получить свою порцию радости.

Но сегодня из близких меня поздравила только тётя Нелли. Позвонила в семь утра из Екатеринбурга. Я как раз допивала кофе. Тётка словно отсекла от себя Уральскими горами грустные мысли и переживания: голос звучал бодро и оптимистично.

Поговорили минут пять, не больше. Тётушка речитативом отбарабанила положенные пожелания, для порядка поинтересовалась, как племянница себя чувствует, получила фальшивые уверения, что всё в порядке и повесила трубку, сообщив, что у них уже девять утра, у неё начался рабочий день и больше разговаривать она не может.

Под конец нашей беседы в кухню вплыла Азалия. Она работала начальником юридического отдела в крупной компании, которая занималась чем-то, связанным с нефтью. Вставала рано, обычно не завтракала, только пила зелёный чай с ложкой меда, зато не менее часа рисовала лицо. Мы выходили из подъезда примерно в одно и то же время, садились в свои машины: я в белую малолитражку, Азалия в роскошный алый внедорожник. И разъезжались по своим делам.

– Утро доброе, – пропела она, – у тебя же сегодня день рождения?

– Да. И тебе доброго утра.

– Поздравляю, дорогуша. Как отмечать планируешь?

Я оторопела, поражённая неуместностью вопроса, и язвительно ответила:

– Известно как. С песнями и плясками. Обстановочка-то располагает!

Ждала, что Азалия смутится, но та не отреагировала. Спокойно заварила себе чаю в маленьком чайничке, достала пузатую банку с мёдом, мурлыча под нос песенку.

Когда рядом не было никого, перед кем требовалось играть, она не утруждалась изображать убитую горем вдову. Я в число зрителей не входила, так что в моем присутствии Азалия напевала, пила любимый коньячок, смотрела сериалы и шоу, слушала музыку, болтала по телефону, хохотала. Жгла мерзкие ароматизированные свечи, и в результате вся квартира пропиталась горько-сладким ароматом.

Ни разу за эти дни я не увидела следов слез на её лице. Ни аппетита, ни сна Азалия тоже не потеряла.

Разумеется, на поминках поведение коренным образом менялось. На свет божий извлекались приличествующие случаю атрибуты: кружевной чёрный платок, помада блеклого персикового оттенка, строгое тёмно-серое трикотажное платье, туфли на низком каблуке. На лицо навешивалась печальная мина, волосы укладывались в старомодный пучок.

Преображение было поистине удивительным: в Азалии, несомненно, пропадала великая актриса. Откуда-то возникали горькие складки возле губ, глаза казались чуть припухшими от бессонных ночей, руки начинали слегка подрагивать. Но самым поразительным было умение плакать: бурные потоки слёз начинали извергаться из глаз всякий раз, когда ей было нужно.

Однажды я наблюдала, как режиссёр пытался заставить начинающих актёров плакать. Юноши и девушки, которые готовились в ближайшем будущем штурмовать экраны и театральные подмостки, старались из всех сил. Сосредотачивались и собирались с мыслями. Вспоминали самые страшные, унизительные и грустные моменты своей жизни. Пробовали воскресить в памяти чувствительные эпизоды из фильмов и книг. Режиссёр пугал их, орал и оскорблял – ничего не помогало. Чем всё закончилось, смог ли хоть кто-то зарыдать, я так и не узнала, ушла. Но в том, что заставить себя плакать усилием воли часто не под силу даже профессиональным (ну, пусть полупрофессиональным) актёрам, убедилась.

Азалия же делала это легко и играючи.

Меня поражал ее неприкрытый, откровенный цинизм, было обидно за отца: окажись на месте Азалии, он, вне всякого сомнения, вёл бы себя совсем иначе. В ее отношении к мужу никогда не было и намёка на любовь, только наспех, кое-как замаскированная акульей улыбкой хватка собственницы. А то, что она вытворяла после его смерти, было злым фарсом, гримасничаньем, оскорблением его памяти.

Но знала об этом только я. Знала – и молчала. Кто бы мне поверил?

Больше в то утро между нами не было сказано ни слова. Я поспешно ретировалась из кухни, оделась и ушла на работу раньше обычного. Мне нужно было зайти в магазин, купить торт, конфеты, вино и разные мелочи: именинники на кафедре традиционно «проставлялись». Полагалось прибыть наряженной, напомаженной, накрыть шведский стол, получить в подарок букет и какую-нибудь безделушку, выслушать пожелания и растроганно поблагодарить коллег.

Телефон призывно загудел, завибрировал. Кто бы это мог быть? Звонок с работы исключался. Поздравлений я ни от кого не ждала: тётя Нелли уже отметилась, Ира звонила час назад, Татьяна тоже. Она каждый год поздравляла меня лично, но на этот раз не смогла: отбыла в командировку.

Татьяна возглавляла пресс-службу крупного кондитерского холдинга и позавчера уехала в региональное отделение, писать о тамошней сдобно-сладкой жизни. Впрочем, она в любом случае не станет больше звонить к нам в дверь: вряд ли ей захочется натыкаться на Азалию.

Это была отдельная история.

Я дотянулась до телефона, увидела, кто звонит, и сердце, вопреки всему, сжалось. Некоторое время я смотрела на экран, но потом всё же ответила:

– Алло. Я слушаю.

– Привет, Манюня! – сердечно произнёс знакомый голос. – Поздравляю, дорогая. Всего тебе самого хорошего, и побольше.

– Спасибо, Жан, – отозвалась я, изо всех сил стараясь говорить сдержанно и сухо. – Но не стоило утруждаться. И не зови меня так.

– Прости, по привычке. Чего невесёлая? Занята?

– За рулём.

– Ясно. Как ты? Как отец?

Разумеется, Жан ничего не знал: мы не общались примерно десять месяцев. Причём расстались далеко не друзьями. Потому и удивительно, что он звонит и ведёт себя как обычно. Врождённое нахальство. Я бы так не смогла.

– Папа умер.

– Как? – опешил он. – Прости, ради бога, он что болел или…

– Сердце.

– Мне, правда, жаль. Почему не позвонила? Мы не чужие люди…

Вроде бы огорчился. Хотя отношения у них с папой были отвратительные.

– Давно уже чужие.

– Зря ты так. Может, помощь нужна?

То, с какой проникновенной задушевностью он умел иногда говорить, раньше производило на меня сильнейшее впечатление. Я считала, что Жан просто носит на людях маску – это у него профессиональное. А на самом деле он тонкий, глубокий и ранимый человек с большим сердцем и широкой душой. Только мне, верила я, он открывается по-настоящему.

Лишь спустя долгое время до меня стало доходить, что это всего-навсего часть роли, чётко продуманная тактика для извлечения выгоды. И опробует её Жан абсолютно на всех, кто ему нужен и может быть полезен.

Я ничего не ответила, и он продолжил:

– Послушай, может, мы могли бы…

– Нет, не могли бы. И вообще, зачем ты звонишь? Неужели не с кем провести вечер? Все твои девки заняты?

Черт, ну вот зачем я это ляпнула?! Кто меня за язык тянул?

– Просто хотел поздравить… Не думал, что…

– Спасибо. Извини, не могу больше говорить.

Я бросила трубку, злясь на себя за свою несдержанность. Теперь Жан решит, что по-прежнему небезразличен мне!..

На самом деле моего бывшего зовут Иваном. Но об этом мало кто знает: он давно взял себе сценический псевдоним «Жан Пожидаев», и теперь даже родная тётка, которая заменила ему рано погибших родителей, именует племянника исключительно на французский манер.

Познакомились мы в институте: Жан учился на театральном факультете, был на два года старше; я оканчивала третий курс и пришла на дипломный спектакль выпускников. Ставили слабенькую современную пьесу: теперь уж не вспомнить ни автора, ни названия. На сцене было людно, шумно и красочно, актёры играли задорно, с огоньком. Но я замечала только главного героя, просто прилипла к нему взглядом. Он появлялся в каждом действии и вытягивал постановку, умудряясь сделать значимыми откровенно провальные сцены. Даже непрофессионалам было ясно, что это чрезвычайно одарённый актер.

В тот день, после окончания спектакля, я сделала то, чего никогда не делала раньше: отправилась с несколькими сокурсницами за кулисы, на вечеринку. А ушли мы с Жаном оттуда вместе, в самый разгар попойки.

Никогда раньше в моей жизни не случалось ничего даже отдалённо похожего на это озарение. Я ни в кого не влюблялась, подростковые увлечения и школьные романы обошли меня стороной. В старших классах за мной бегал один мальчик,

Серёжка Гусев, но его чувства вызывали только раздражение. Будучи студенткой, я дважды ввязывалась в ненужные, глупые отношения, но оба романа закончились, не успев толком начаться. Тем оглушительнее было внезапно обрушившееся на меня осознание того, что раньше я жила половинчатой, ущербной жизнью. Наши отношения продолжались около двух лет, а когда закончились, я сказала себе: такое со мной было в первый и последний раз! Второго мне просто не пережить.

Теперь между нами все кончено, но этот звонок… Я решительно подавила воспоминания, которые грозили нахлынуть и захлестнуть меня с головой, и сосредоточилась на дороге. Там наметился просвет: снегопад немного поутих, и машины ехали быстрее. Через пятнадцать минут я уже входила в просторный институтский вестибюль. Здесь меня догнала Ира. Оживлённо щебеча, помогла дотащить пакеты до третьего этажа.

Она всё говорила и говорила, но я слушала вполуха, кивая и что-то одобрительно мыча в нужных местах. Выбросить из головы Жана пока не получалось.

Глава 5

Посиделки на кафедре прошли как и ожидалось. Мне традиционно наговорили массу добрых слов, вручили букет роз в хрустящей упаковке и подарок – сертификат магазина парфюмерии и косметики.

Потом все пили вино и чай, ели умело приготовленные Ирой бутербродики на шпажках, угощались всевозможными сладостями и разошлись, довольные друг другом.

Мне нравилось работать здесь: народ подобрался душевный, не склонный интриговать и подсиживать друг друга. Какой начальник, такие и подчинённые. Были, конечно, исключения, но они погоды не делали.

Мы с Семёном Сергеевичем уходили последними. Ира помогла убрать со стола и унеслась на свидание: у неё разгорался роман с Ильёй, высоким тощим

очкариком. Они познакомились на какой-то очередной конференции: он был аспирантом, учился в университете. Ира говорила, он гениальный учёный. Филолог от бога. Пишет диссертацию по творчеству Лермонтова.

У «божественного филолога» были вечно потные ладони, ранняя лысина, очертаниями напоминающая южноамериканский материк, к тому же попахивало изо рта. Но Иру это не пугало: она очень хотела замуж. А Илья был «с серьёзными намерениями», так что вцепилась она в него мёртвой хваткой.

Сегодня парочка собиралась идти слушать оперу. Косогорова оперу терпеть не могла, равно как и балет, но собрала волю в кулак и приготовилась выказывать бурный восторг. Ничего не поделаешь, вздыхала Ира, в жизни часто приходится чем-то жертвовать и приспосабливаться.

Я вполне могла бы уйти одновременно с нею, но домой не хотелось. Однако и торчать здесь одной тоже не вариант, да и у Семёна Сергеевича могли возникнуть лишние вопросы.

Так что я вышла вместе с профессором из кабинета и направилась к лестнице. Тут меня и застал телефонный звонок.

– Детка, это дядя Алик.

– Ой, как здорово, что вы позвонили! – обрадовалась я.

– И я рад тебя слышать. Поздравляю с днём рождения, Динуша. Успехов, здоровья тебе.

– Спасибо вам, что вспомнили.

– У моей всё в блокноте записано, захочешь, не забудешь, – тихо засмеялся папин друг, – но уж про твой день рождения я и сам помню.

– Дядя Альберт, вы не болеете? – обеспокоенно спросила я.

Голос его звучал необычно, как-то натянуто, словно каждое слово давалось ему с трудом. Я вспомнила, как плохо дядя Алик выглядел в день папиных похорон, и

тревога моя усилилась. Стало стыдно: не могла сама пораньше позвонить ему, поинтересоваться!..

– Уже лучше, детка. В больнице полежал немножко, но сейчас дома.

– Как так – в больнице?! Что у вас было? Сердце, да? Что же вы мне не сказали? Я бы пришла…

– Поэтому и не сказал, – перебил дядя Алик. – Тебе своих забот хватает. У меня Зоинька безвылазно сидела, так что не волнуйся. Динуша… я тебе вот ещё что звоню. Нам нужно поговорить. Может, навестишь меня? Если не занята, конечно.

Я с радостью согласилась и пообещала приехать минут через сорок. Мне хотелось повидаться с дядей Аликом: мы всегда были очень близки, к тому же я чувствовала себя виноватой за свою невнимательность.

Асадовы жили не слишком далеко от нас, в том же районе: перебрались сюда лет восемь назад. По дороге я купила фруктов и, конечно, халвы: дядя Алик её обожал, мог с лёгкостью в один присест уговорить полкило. Я ехала и вспоминала, как в детстве именно он водил меня в театр кукол. Папа почему-то не любил кукольные представления, и, наверное, если бы не дядя Алик, я бы на них никогда и не побывала. Раньше театр кукол находился в старинном здании бывшего монастыря, зал был маленький и тесный, но мне все равно там нравилось. Особенно интересным казалось фотографироваться в фойе с куклами из разных спектаклей – Мальвиной, Котом в сапогах, Красной Шапочкой, Шурале…

А еще дядя Алик рисовал для меня забавные картинки – зверей, птиц, рыбок. Всякий раз, когда он приходил к нам в гости, я тащила его к столу и заставляла браться за карандаш. Где-то на антресолях до сих пор лежит толстенный альбом, а в нем – тигры, белки, снегири, орлы, лисицы, волки. Интересно, что даже самые страшные хищники на рисунках дяди Алика выглядели безобидными и домашними.

Снегопад, к счастью, уже полностью прекратился, улицы расчистили, и я добралась быстрее, чем ожидала. Дверь мне открыл сам Альберт Асадов. Зои Васильевны дома не было: она гостила у сестры. Взглянув на лучшего друга отца, я с трудом удержалась, чтобы не вскрикнуть.

Невысокий, полненький, крепко сбитый, дядя Алик всегда напоминал мне Карлсона из мультика. Сейчас передо мной стояла тень прежнего «мужчины в самом расцвете сил»: совсем седой, измождённый, худой до прозрачности маленький старичок. Кожа сухая и жёлтая, губы посинели, глаза провалились. В довершение всего он опирался на палочку, и руки его заметно подрагивали.

Как ни старалась я скрыть потрясение, взгляд меня, судя по всему, выдал, потому что дядя Алик заметил с мягкой улыбой:

– Да, детка, выгляжу неважнецки. Сам-то к себе уже привык, а окружающие пугаются.

– Что вы, дядя Алик! – промямлила я. – С чего вы взяли? Я просто…

Но он только махнул рукой.

– Проходи, проходи, Динуша! Давай на кухне посидим. Мы, советские люди, привыкли всё за кухонным столом обсуждать.

Я разделась, сняла сапоги и пошла за ним. Дядя Алик сел на маленький угловой диванчик, предоставив мне возможность похозяйничать. Я миллион раз бывала в этом доме, знала, где что лежит, и быстро выставила на стол чашки, налила нам с дядей Аликом чаю, достала из холодильника молоко. Вымыла принесённые фрукты, выложила в вазочку халву.

Он равнодушно глянул на некогда любимое лакомство, но, перехватив мой озабоченный взгляд, тут же попытался изобразить удовольствие:

– Спасибо, детка! Знаешь, чем побаловать!

Сказал – и нам обоим стало не по себе. Я не сумела сделать вид, что верю этому фальшивому оживлению, а дядя Алик, вероятно, смутился вымученности своего тона.

– Вы мне так и не сказали, что случилось. Почему попали в больницу? – проговорила я.

Он помолчал, пожевал губами, потом вздохнул, словно решившись на что-то, и ответил:

– Небольшой сердечный приступ. Но ничего, обошлось. А вообще, у меня, детка, рак желудка. Ты не пугайся, – быстро проговорил он, заметив ужас в моих глазах, – врачи говорят, операбельный. Надежда есть, операцию скоро будут делать. Могли бы и раньше, просто смерть твоего отца… Сердце стало прихватывать, врачи боялись. Ведь уверен был, что Наиль меня будет хоронить. Я и старше его. А видишь, как вышло.

– Дядя Алик, а прогнозы…

– Нормальные прогнозы, детка. Это правда, я тебя не успокаиваю. Стадия не самая страшная. Завтра ложусь оперироваться. Поэтому и позвал тебя сегодня. Придётся, конечно, по больницам помотаться, но это ничего. Я выносливый. Зоинька у меня – молодцом! Говорит, не отпускаю тебя – и точка! Ну хватит об этом. Хватит.

Дядя Алик отломил чайной ложкой кусочек халвы, подержал на весу, положил на место. Он заметно нервничал и никак не мог сказать то, что собирался. Я терпеливо ждала.

– Ты, конечно, не знаешь… Папа с октября не работал в «Мастерской».

– Как так – не работал? – растерялась я. – Почему?

– Решил отойти от дел и продал мне свою долю.

– Да нет, он не мог! «Мастерская» – это же… Это как ребёнок для него!

– Мне ли не знать, детка! Наиль всегда говорил: отнять у меня «Мастерскую» – все равно что руку отрубить. Лет восемь назад нам предлагали выкупить её. Хорошие деньги сулили, но мы и думать не думали! А в конце лета приходит и говорит: всё, Алька, устал. Не хочу больше.

Я вскочила, с грохотом отодвинув стул.

– Вот хоть убейте – не верю! Он бы в жизни до этого не додумался!

– И я так считаю, – спокойно согласился дядя Альберт. – Он и не додумался.

Мы молча смотрели друг на друга. Внезапно у меня закружилась голова, и я медленно села обратно, испугавшись, что сейчас потеряю сознание.

– Недалеко от Казани продавался большой участок под застройку, – продолжил дядя Алик. – Место отличное, земля с годами будет только дорожать. Хочешь – в аренду сдавай, хочешь – перепродай с накруткой. Скорее всего, со временем эта территория окажется в черте города и, соответственно, станет ещё дороже. Азалия уговорила Наиля купить участок. Но нужной суммы у него не было. И она потихоньку-полегоньку подвела его к мысли продать бизнес.

– Боже мой, да зачем?! Жил он без этой земли и… Что ему, денег не хватало?

– Ты погоди, детка. Это ещё не все.

– Куда уж больше! – Головокружение прошло так же внезапно, как и началось. Захотелось пить, я отхлебнула из чашки и невольно поморщилась: терпеть не могу остывший чай.

– К сожалению, есть куда. Отговаривал я его, убеждал – он ни в какую. Упёрся и всё. Ну, я и отступился. Даже обиделся, а потом подумал: чего уж тут, не в себе человек. Пусть делает как хочет. Нашёл денег, собрал, что мог. Наиль, вижу, мучается: знает, как мне тяжело нужную сумму набрать. Понимает, что дело под удар ставит, а отступиться не может. Продал он долю, все накопления снял – всё равно не хватает больше миллиона. В общем, дачу вашу он тоже…

– Как же так? – прошептала я. Это не укладывалось в голове. Абсурд, да и только. – Он эту дачу…Сам проект придумал, строил, деревья сажал… А баня…

– Детка, ты успокойся, – почти строго произнёс дядя Алик. – Тут нужна ясная голова. Азалия преследовала свои цели. Землю они купили, когда уже были женаты, да и покупка оформлена на двоих! Теперь, когда Наиля не стало, половина так и так у Азалии, а вторая половина делится между тобой и ею. То есть теперь у неё – три четвертых, у тебя – только четверть. Ты понимаешь? Я не

говорю, что она имеет отношение к его смерти. Упаси бог! Но ты же видишь, как все для неё удачно сложилось!

Я опустила голову и промолчала. Да уж, удачно… А если учесть, что никакой тоски по мужу Азалия не испытывает, то всё и вовсе выглядит подозрительно. С другой стороны, было вскрытие. Папина смерть вызвана естественными причинами.

– Накануне смерти отец приезжал сюда, ко мне. Сидел на этой самой кухне. Тогда я и узнал, что землю они с женой пополам оформили. Слышала бы, какую я ему головомойку устроил! Для чего, говорю, всю жизнь горбатился? Чтобы невесть кому досталось? Думал, ударит меня за такие слова. Он ведь про Азалию слова худого никому не давал сказать. А он глянул на меня и говорит тихо-тихо: «Алька, скажи честно, что ты о ней думаешь?» Я как думал, так и сказал: гнилой человек, лживый. Улыбается, а глаза холодные. Взгляд неподвижный, змеиный.

– А папа? – севшим голосом спросила я.

Дядя Алик высказал мое собственное мнение об этой женщине. С первой же встречи я ощутила инстинктивное отвращение – подспудное, глубинное, идущее откуда-то из печенок. Примерно такое чувство возникает, если смотреть на тарантула или гадюку: внутреннее ощущение категорично говорит – перед тобой враг!

– Что он… Смотрит на меня, глаза несчастные, молчит. Потом говорит: завтра поеду и оформлю дарственную на Динку. Свою долю ей передам. Чтобы у них всё пополам было, если что. А через несколько часов… – Голос его дрогнул, подбородок затрясся.

Я стиснула зубы, из последних сил сдерживая слезы, и успокаивающе погладила дядю Алика по руке.

– Детка, послушай меня. Тебе нужно бороться с Азалией за имущество – и за квартиру, и за машину отцовскую. Что до земли, так можно доказать: его вклад при покупке был значительнее. У отца где-то лежат документы о продаже дачи, выписки из банка о закрытии вкладов, поищи потихоньку. У меня есть бумаги о продаже доли в бизнесе. Ты сможешь через суд доказать! Мы подключим

юристов…

Я никогда не видела его таким взбудораженным.

– Дядя Алик, успокойтесь, не волнуйтесь, вам, наверное, вредно…

– Да не обо мне сейчас… Ты не понимаешь! Надо чётко продумать и разработать план действий. Я помогу!

Он ещё долго и горячо говорил, растолковывал, что и как следует сделать, убеждал пойти в суд. Я соглашалась, чтобы не расстраивать его, однако точно знала: судиться не стану. Слушала рассуждения дяди Алика, но почти не вникала в суть. Никак не могла поверить, что Азалия лишила папу всего: любимого дела, отрады-дачи и, в конце концов, отношений с единственной дочерью. Какой же властью над человеком надо обладать, чтобы заставить настолько потерять голову…

Впрочем, кому бы удивляться, но только не мне. Достаточно вспомнить Жана.

Одно радовало: в мае Азалия уберется восвояси.

По дороге домой я прокручивала в памяти разговор с тётей Нелли перед её отъездом в Екатеринбург. Мы вдвоём стояли возле подъезда: она улучила момент для разговора наедине. Долго говорила о том, как сильно папа любил Азалию, какой удачный выбор он сделал. Потом перешла к главному: принялась обвинять меня в эгоизме и упрекать в том, что я гоню бедняжку из дому:

– Её собственная квартира сдана до мая! И у тебя хватает совести… Ты предлагаешь ей жить на улице? Неужели отцу бы понравилось? – Тетин голос крепчал, она говорила всё быстрее, с трудом сдерживая негодование.

– Стоп, стоп! – Я чувствовала, что начинаю заводиться. – Когда такое было? Мы с ней на эту тему и не разговаривали!

– Не нужно сейчас выяснять отношения. Мы взрослые люди, к чему эти смешные оправдания. Ты девочка эмоциональная, но… Веди себя достойно!

– Да у нас и речи не заходило о том, где ей жить! – Это была чистая правда, но тётя скептически поджала губы. – Да что она себе позволяет, эта…

– А ну прекрати! Хватит! Люди кругом! – прошипела тетя Нелли. – Что ты вытворяешь – уму непостижимо! А Азалия сказала мне, что не собирается претендовать ни на долю в квартире, ни на машину Наиля! Хотя имеет полное право!

В этот момент дверь подъезда открылась, в проёме возникла Азалия. Она окинула нас цепким взглядом, мгновенно поняла, что к чему, и сориентировалась:

– Девочки, что случилось?

Я хотела было заставить Азалию повторить враньё, которым та напичкала тетю Нелли. Но она не дала мне такой возможности: залилась слезами, изобразила сильнейшее волнение, залопотала, что папа-де все видит:

– Это против бога, разве можно ссориться? Если я виновата, простите меня! Диночка, мы будем какое-то время жить вместе, так уж вышло. Пойми, я желаю тебе только добра! Я не такой плохой человек, как ты думаешь!

Тётя Нелли бросила на меня уничтожающий взгляд, обняла сноху и принялась успокаивать.

…Нет-нет, ни в какой в суд я не пойду – Азалия размажет меня по стенке. Где уж мне тягаться с ней! Ничего, потерплю пару месяцев, и все закончится. Она уедет, и мы никогда в жизни не увидим друг друга.

Сейчас главное, чтобы дядя Алик поправился.

Глава 6

Весь следующий день после разговора с Асадовым я никак не могла прийти в себя. Слишком много информации, которую никак не удавалось переварить.

К тому же ругала себя, что не удержалась от разговора с Азалией. Беседа вышла из ряда вон. Я ворвалась к мачехе и с порога вывалила всё, что думаю о её корыстолюбии, жестокости и подлости.

Та лежала на кровати и полировала ногти. В ответ на мои негодующие вопли не растерялась, не занервничала и даже не переменила вальяжной позы. Лишь улыбнулась своей тягучей улыбкой, которая не задевала глаз, и невозмутимо поинтересовалась:

– Убедилась со мной лучше не связываться, а то без штанов останешься? – Азалия хихикнула и продолжила: – Кстати, о штанах. Что-что, а уж как их с мужика стащить и что с ним потом делать, я хорошо знаю. Ты у папаши не спрашивала? Да он тебе и сам, небось, рассказывал. Могу преподать пару уроков. По-родственному. Мужиков-то не стишками удерживать надо – тебе никто этого не говорил? Кстати, они у тебя так себе. Бездарные. Небось, вообразила себя Мариной Цветаевой? Анной Ахматовой? Зря! Ты же полное ничтожество! Ноль!

Я замерла, раскрыв рот. Ожидала чего угодно: слёз, возмущения, обвинений и даже угроз, но уж никак не этих гадких намёков ниже пояса, не откровенных оскорблений.

– Да ты… да как тебе… – Больше я ничего не могла выговорить.

Зато Азалия изъяснялась вполне определённо.

– Иди к себе. Выспись. И больше не смей на меня орать, поняла?

Она почти незаметным, кошачьим движением, неожиданным при её комплекции, поднялась с кровати и вдруг оказалась рядом со мной. Говорила, а сама пристально смотрела в глаза немигающим взором. Улыбка бесследно исчезла, медоточивая нега в голосе – тоже. «Змеиный взгляд», вспомнились слова дяди Алика. Голова закружилась, во рту стало сухо и горько.

– А этот старый идиот пожалеет, что разболтался! – произнесла Азалия напоследок и отвернулась.

Я моргнула и потрясла головой.

Той ночью спала ещё хуже обычного. Со сном у меня с детства проблемы: я всегда с трудом засыпала и постоянно просыпалась. После папиной смерти часто пила успокоительное: знала, что иначе обречена на бессонницу. Татьянины таблетки давно кончились, и я купила новую упаковку. Но на этот раз лекарство не помогло. Я забылась только под утро и, похоже, мне привиделся кошмар, потому что проснулась в слезах и вся мокрая от пота.

На работу пришла опухшая, с гудящей головой. С трудом сосредотачивалась, случайно удалила нужный файл в компьютере и потом долго восстанавливала. С грохотом уронила и разбила свою чашку, собираясь попить воды.

Коллеги незаметно обменивались озадаченными взглядами. Ира недоумённо косилась и наконец спросила:

– Мать, ты чего? Случилось что-то?

Я заколебалась. Может, рассказать? А с другой стороны – зачем? Что это изменит? Природная скрытность взяла верх, и я отрицательно помотала головой.

– Пройдет. Спала плохо.

Ира пожала плечами и отошла: мол, не хочешь, не говори.

После обеда я пошла в деканат, поставить печать на одной бумажке. Это можно было сделать и позже, но мне хотелось выйти из кабинета, сменить обстановку.

Обязанности секретарши у нас выполняла девятнадцатилетняя Рита, студентка-заочница, взбалмошная смешливая девушка с красными прядями в коротких, торчащих дыбом чёрных волосах.

Рита постоянно вставляла в разговор звучные иностранные выражения. Значений употребляемых слов не понимала, вкладывала в них ведомый только

ей одной смысл, и потому её речь звучала причудливо и довольно забавно. Например, она говорила про свою знакомую: «Припёрлась, вся из себя расфуфыренная, прямо персона нон грата!» Или: «И зачем мне, простите, сдался этот долбанный алягер ком алягер?»

В деканате, как обычно, было людно: толкались, ожидая своей очереди, студенты и преподаватели, стрекотала по телефону Ритуля. Входная дверь то и дело открывалась, и гул голосов из коридора на мгновение становился слышнее.

Я протолкалась к столу секретарши. Та уже положила трубку и теперь сосредоточенно записывала что-то, низко склонившись к столу, как все близорукие люди, отказывающиеся носить очки.

– Привет! Рит, шлёпнешь печать, Семён Сергеевич сказал, что…

Секретарша подняла голову и глянула на меня. Я недоговорила, поперхнувшись последней фразой. Внезапно звуки вокруг словно бы стихли. В кабинете стало душно, на грудь будто положили бетонную плиту. Я задышала часто и поверхностно, по спине между лопаток побежала струйка пота.

Я смотрела в лицо секретарши, не в силах отвернуться или зажмуриться.

«Что это?! Я и вправду это вижу?!»

У Риты не было глаз. Точнее, густо накрашенные веки и обильно намазанные синей тушью ресницы были на месте, но вместо зрачков и радужки были два ровных чёрных круга. Две дыры, ведущие вглубь, как непроглядные коридоры. По щекам стекали тонкие струйки крови. Невозможные, как из кошмарного сна или голливудского ужастика глаза немигающе уставились на меня.

– Ну, куда шлепнуть? – сказало безглазое существо и нетерпеливым нервным жестом протянуло ко мне тонкую руку.

И вот тут я закричала. Отшатнулась, закрыла руками лицо и завопила.

– Нет! Убери! Уйди от меня! – Я выкрикивала бессвязные фразы, мычала и захлебывалась своими воплями. Кто-то подошел сзади, пытаясь успокоить,

обнять за плечи, но я в испуге сбросила его руки.

Существо, бывшее недавно Ритой, крутило головой, открывало и закрывало рот. Кровавые дорожки удлинялись, алые капли падали на письменный стол.

Потом вдруг вернулись звуки, все заговорили разом, загудели, как сердитые пчёлы в улье. Последним, что я запомнила, был вопрос декана:

– Кто-нибудь объяснит мне, что здесь происходит?

Всё потемнело и пропало. «Наконец-то!» – мысль вспыхнула и исчезла вместе со всем остальным.

Очнулась я всё в том же деканате. Лежала на кожаном диванчике, вокруг толпились знакомые и незнакомые люди. Две женщины озабоченно перешёптывались:

– А я и не видела ничего, – огорчённо протянула одна.

– Ты далеко была-то! – возбуждённо отозвалась другая. – А я прямо тут стояла, возле них, и то… Всё нормально было, а эта как завопит! И бац – упала! Припадок, наверное.

– Ир, с ней часто такое бывает?

– Тише! – строго произнес мужской голос. – Она в себя пришла.

Ира протирала мое лицо прохладным влажным платком. Рядом стояла Рита и обмахивала меня вафельным полотенцем. Глаза у неё были самые обычные, лицо расстроенное.

Никакой крови, никаких дыр вместо глаз.

Я убрала Иркину руку с тряпкой и медленно села. Голова не кружилась, дышалось легко и свободно. Всё было как обычно, только неудобно перед людьми. Что это на меня нашло? Привиделась чушь несусветная, и я такое позорище устроила… Весь институт теперь пальцем показывать станет. Ритуля

каждому встречному-поперечному будет пересказывать эту сцену со всеми подробностями.

– Извините меня, я… Наверное, просто воздуха не хватило, голова закружилась.

– Бывает! У меня у самой в духоте иногда такое случается, – неожиданно с пониманием и без словесного мусора заметила Рита. А после громко, чтобы слышал декан, и вполне в своем духе закончила: – Если бы кондиционер поставили, не было бы такого! Я давно говорю, но всем же полное па-де-де на моё мнение!

– Пойдём, Диночка, чаю попьём у себя, – заторопилась Ира.

Я встала с дивана, снова извинилась и пошла к дверям. За спиной раздался шепот Ирины:

– Она же отца потеряла недавно, не отошла ещё.

Люди сочувственно зарокотали, и я подумала, что, может, еще и не стану посмешищем. Зря я на Риту и всех остальных грешу. Нормальных людей на свете больше.

Ира окружила меня таким плотным кольцом внимания и заботы, что мне вскоре захотелось упасть в обморок второй раз, чтобы дать себе передышку. Я не сомневалась, что Косогорова пересказала всем историю в деканате и присовокупила свои выводы. Все кругом были со мной подчеркнуто милы и заботливы, а Семён Сергеевич в конце дня предложил, сочувственно глядя на меня:

– Может вам, дорогая моя, отпуск взять? Успокоиться, отдохнуть, а?

– Среди учебного года? – удивилась я.

– И что такого? Порою обстоятельства складываются так, что…

– Нет, Семён Сергеевич, спасибо, но не надо. Мне на работе лучше.

– Как знаете, милая. Но если что, имейте в виду: я вас отпущу.

Вечером опять позвонил Жан. Надо же, как странно. Я была настолько погружена в свои переживания, что почти не взволновалась.

– Привет, Маню… Динуля. Как ты там?

– Отлично, спасибо, – отозвалась я.

Возникла пауза, которую Жан быстро заполнил.

– Вот и славно! Хочешь, сходим куда-нибудь? По-дружески.

– Сходим? Мы?

– Почему бы и нет? Просто хочу, чтобы ты отдохнула. Развеялась.

– Что-то всем сегодня хочется, чтобы я отдохнула, – пробормотала я.

– Извини, что ты сказала?

– Ничего, это я так.

– Так пойдём? Ты согласна?

– Сегодня точно нет. Надумаю, перезвоню.

– Жаль. Ну как знаешь. Звони.

– Спасибо, Жан.

– Пожалуйста. – В его голосе слышалась улыбка. Он попрощался и повесил трубку.

Что ему нужно? Почему он опять возник в моей жизни? Я никак не могла решить, нравится мне это или нет. С одной стороны, нашла в себе силы разорвать нашу связь и не собиралась ничего начинать заново. Но с другой – мне было приятно думать, что он, возможно, сожалеет, что разрушил наши отношения.

Да уж, хороши они были, эти отношения… Я вспомнила, какой жалкой, потерянной, ненужной я себя чувствовала, день за днем отдавая ему всю себя и ничего не требуя взамен. Вспомнила, как покорно таскалась за ним на вечеринки и актерские посиделки, общалась с его друзьями и подругами, выслушивала их трёп, обсуждала закулисные интриги. Как пила дешёвое противное вино и научилась курить (потом, расставшись с ним, бросила). Как заглядывала ему в рот, охотно соглашаясь прятаться в его тени. Как терпела его постоянные измены…

Впервые я узнала о его неверности, когда вернулась из Испании, куда отец чуть не силой увез меня отдыхать. Наверное, втайне надеялся, что я выкину Жана из головы и познакомлюсь с кем-то другим.

Вернувшись, я сразу полетела к Жану. Вихрем ворвалась в подъезд и приготовилась взлететь на третий этаж, как вдруг… По лестнице кто-то спускался. Мужчина и женщина. Они негромко переговаривались между собой, женщина жеманно хихикала. Мужской голос я узнала бы из миллиона.

Я замерла, поставив ногу на первую ступеньку, и не могла пошевелиться. Так и стояла, пока Жан и его спутница не возникли на лестничной клетке прямо передо мной. Я смотрела на них снизу вверх и молчала. Жан обнимал за талию высокую полноватую блондинку в синем сарафане. Девица прижималась к нему полной грудью и улыбалась. Зубы у неё были крупные, как у лошади.

Ко мне вернулась способность двигаться, и я развернулась, бросилась к выходу из подъезда. Но Жан сориентировался быстрее. Отшвырнув от себя растерявшуюся блондинку, в два прыжка догнал меня, схватил на руки и потащил обратно наверх.

Мы помирились. А после он изложил мне свою теорию относительно секса. Суть её заключалась в том, что это такая же естественная потребность организма, как еда, вода или сон. Допустим, тебе захотелось есть. Что ты делаешь? Ешь. Твоё любимое блюдо – пельмени, ты готов есть их на завтрак, обед и ужин, но с

голодухи запросто можешь схомячить и макароны, и манную кашу… Да хоть подошву!

Это не просто потрясло – уничтожило какую-то часть меня. Жан был моим единственным мужчиной, я отдалась ему легко и естественно, потому что – как иначе? Если любишь человека, то принадлежишь ему целиком. Сделав свой выбор, я и помыслить не могла ни о ком другом.

Мысль, что Жан попросту оправдывает свою развращённость, да ещё и пытается получить от меня благословение на блуд, чтобы не утруждаться извинениями, попросту не приходила мне на ум. Изложив свою теорию, он больше не старался скрывать своих увлечений. Я мучилась от ревности, ненавидела себя, никому не могла рассказать о том унизительном положении, в котором оказалась. Страшно даже представить, что было бы, узнай обо всём папа!

…Закончилось всё в одночасье. Как-то я пришла к Жану без приглашения, хотя уже научилась из чувства самосохранения предупреждать его заранее. У меня был ключ, и я беспрепятственно попала в квартиру. Войдя, сразу поняла, что у него кто-то есть. Первой мыслью было развернуться и потихоньку убежать, пока никто не заметил. Тогда можно будет, как обычно, притвориться, что всё нормально.

Но ноги сами понесли меня в комнату. Потом, спустя некоторое время, я поняла: мне необходим был толчок, чтобы набраться сил и разорвать связь с Жаном. Больше так продолжаться не могло, я уже дошла до ручки.

Так или иначе, я стремительно распахнула дверь и шагнула в комнату.

Жан действительно был в комнате не один. Было накурено, пахло алкоголем, потом, чем-то горьковатым. Откуда-то сбоку доносилась тягучая, липкая музыка. Окно криво занавешено бордовой шторой. В душном полумраке на разложенном диване шевелились лоснящиеся тела. Кажется, их было даже больше двух.

Перед глазами поплыло, и я попятилась, развернулась, чтобы скорее выйти прочь. И оказалась лицом к лицу с тёткой Жана. Та была заметно навеселе, во рту – неизменная сигарета.

– Чё? Нравится? – спросила она, расхохоталась и глухо закашлялась, подавившись дымом. Меня она почему-то терпеть не могла, постоянно пыталась задеть, подковырнуть. – Думала, нужна ему? Вобла сушеная! Жанчику нормальная баба нужна…

– Нормальная – это вроде тебя, что ли? – неожиданно спокойно перебила я. Конечно, это было не спокойствие, а шок. – Отвечай! Вроде тебя? Такая же мерзкая? Да, именно такая ему и нужна. Иди и подглядывай дальше!

Я оттолкнула от себя слегка протрезвевшую от потрясения бабу и выбежала из квартиры.

…Нет уж! Хватит! Что он себе возомнил? Что я опять начну бегать за ним, помани он меня пальцем? Если Жан посмеет еще раз позвонить, я найду что ему сказать! А еще лучше – просто не буду брать трубку.

В ту ночь я опять никак не могла уснуть. На часах было уже полпервого, а сна ни в одном глазу. Я включила ночник, попыталась начать читать новый роман Акунина, но быстро отказалась от этой затеи. Обожаю этого автора, но сегодня даже он не мог отвлечь меня от тяжких мыслей.

Обмануть себя не получалось, как я ни старалась. В деканате я видела то, что видела. Духота, бессонница, усталость – это было ни при чём.

Галлюцинациями я прежде не страдала, в обмороки не падала.

Розыгрыш исключался. Никто не стал бы шутить надо мной так жестоко. Да и не то у нас учреждение, чтобы народ стал баловаться подобными вещами.

Я не сомневалась: на какой-то миг глаза у Риты действительно изменились. Только почему это случилось? Почему никто, включая и саму секретаршу, этого не заметил?

Ответов не находилось. Я привычным жестом выдавила из блистера таблетку, сунула в рот и запила водой. Подумала и приняла еще одну, для верности. Потом выключила верхний свет и улеглась поудобнее.

Спустя некоторое время снотворное все-таки подействовало.

Глава 7

Весна в этом году была не просто ранняя, а прямо-таки скороспелая, шальная. Уже к восьмому марта солнце жарило без продыху, снег стремительно таял. Уставший от невероятно снежной и холодной зимы город торопился как можно быстрее сбросить постылые ледяные оковы.

– Классный фильм! Тебе точно понравится! – убеждала меня Ира. – Что ты как старуха? Никуда не ходишь, работа – дом! Что у тебя, семеро по лавкам? Прогуляемся, в кафе потом зайдем… Весна на дворе, а ты киснешь!

Ира целый день пыталась меня уговорить сходить в кино на разрекламированную комедию. Высоколобый филолог Илья новый российский кинематограф презирал, смотреть подобные фильмы считал ниже своего достоинства. Косогорова и не собиралась ставить его в известность, что собирается в кино: меньше знает, крепче любит!

Идти не хотелось. Я тоже, как и Илья, не люблю современные отечественные комедии. В этих фильмах, на мой взгляд, мало смысла и ещё меньше юмора. Но, с другой стороны, что делать дома? Любоваться на Азалию?

После того памятного разговора я постаралась свести наши контакты к минимуму и всячески избегала общения с Азалией. Она же, наоборот, нарочно старалась оказаться ближе, хотя и видела мою жгучую неприязнь. Подкарауливала на кухне и в прихожей, заводила разговоры, которые с большой натяжкой можно было назвать пристойными. Похоже, что мое негодование и с трудом скрываемое бешенство доставляли ей настоящее удовольствие.

В результате я почти всё время сидела взаперти в своей комнате, изредка совершая вылазки в ванную или на кухню.

Ладно, почему бы и не сходить в кино, не развеяться? Фильм, конечно, окажется полнейшей ерундой, зато после в самом деле можно будет прогуляться по

центру Казани, заглянуть в кафе. И появиться дома поздно вечером, чтобы сразу лечь спать.

– Уговорила. Во сколько начало?

– Вот и молодец, – запрыгала от радости Ирина. – И чего только ломалась! В девятнадцать ноль-ноль. Встречаемся у входа в половине седьмого. Пока билет купим, пока возьмём что-нибудь пожевать…

После работы я заскочила домой. Азалии – какое счастье! – не было. Сменила юбку и жакет на джинсы с кофточкой, привела в порядок волосы и критически оглядела себя в зеркале. Не помешало бы немного поправиться: ключицы торчат, груди совсем нет. Как в народе говорят, минус первый размер, при котором лифчик покупаешь в надежде на лучшее. Ладно, зато талия тонкая и ноги стройные.

Я секунду поколебалась и наложила на глаза светло-серые тени. Взгляд стал выразительнее и загадочнее. Ещё немного поразмыслила и стёрла с губ помаду, заменила бледно-розовым блеском. Так определённо лучше.

Папа часто говорил, что я очень похожа на маму. Хотя если сильно придираться, то внешнего сходства мало. У мамы были тёмные глаза и светло-русые волосы. А у меня, наоборот, волосы каштановые, глаза – серо-голубые. У мамы был правильный прямой нос, у меня – чуть вздернутый. Мама была рослая и фигуристая, а я похожа на воробья: маленькая худышка. Папа говорил, я воздушная и хрупкая. Но на самом деле просто бледная и щуплая.

И все же мы очень похожи. Форма губ и разлёт бровей, овал лица и поворот головы, ямочки на щеках и ногти-лопаточки, манера заламывать левую бровь и привычка смеяться, чуть запрокидывая голову, касаться пальцами лба, когда задумаюсь – природа с детальной точностью воспроизвела во мне все эти мамины черточки и особенности.

Из-за необычного сочетания – светлые глаза и тёмные волосы – многие думали, что волосы я крашу. А может, заделаться блондинкой? Нет, пожалуй, внешность станет слишком банальной. Да и не ощущаю я себя в таком образе: блондинкам положено быть улыбчивыми, кокетливыми, лёгкими. Так что поживу пока шатенкой.

Я схватила сумку и вышла из квартиры. Терпеть не могу опаздывать.

Народу в кинотеатре было море. Вот что значит грамотная пиар-компания! Нам достались билеты на восемнадцатый ряд. Не совсем места для поцелуев, но близко к ним. Мне было плевать, а Ира немного расстроилась, правда, быстро отошла: не умела долго огорчаться.

В руках у Иры была бутылка лимонада, пачка печенья и мороженое. Я купила себе минералки.

– И всё? – грозно вопросила Косогорова.

– Всё, – подтвердила я, – а то в кафе в меня ничего не полезет. Я малоежка.

– Оно и видно, – ехидно заметила подруга и откусила изрядный кусок от стожка в шоколадной глазури. – Может, хот-дог взять? – задумчиво проговорила она.

– Пошли! Ты же лопнешь, деточка, – засмеялась я и потащила Иру в зал.

Фильм шёл уже второй час, и за это время я дважды скупо улыбнулась. На комедию действо никак не тянуло. Сюжет был глупый, актёры старались как могли, но оживить бездарный скучный сценарий не получалось. Хотя, возможно, я излишне строга: со всех сторон то и дело доносился жизнерадостный гогот.

Ира тоже была весьма довольна происходящим. Она расправилась со своими припасами и теперь лишь прихлебывала сладкую газировку.

– Правда, здорово? – шепотом спросила она.

В ответ я уклончиво промычала что-то невразумительное. При большом желании это можно было расценить как одобрение. Ира удовлетворённо кивнула.

Я то и дело отвлекалась от происходящего, теряла и без того невнятную сюжетную нить, задумываясь о своём. Когда на экране вдруг возникло лицо, поначалу просто удивилась: вроде бы это против законов жанра. Такая кошмарная физиономия – и в комедии!

Мужское лицо, показанное крупным планом, было неестественно, до синевы, бледным и странно перекошенным. Серая неопрятная щетина, свалявшиеся волосы, багровые полосы на щеках. Рот провалился, глаза закатились. Лицо было неподвижным и почему-то знакомым. Мне никак не удавалось вспомнить, где я раньше видела этого человека, но то, что видела – точно.

Я осторожно огляделась по сторонам. Неужели никого не удивляет непонятно зачем появившееся изображение? Ира всё так же пила лимонад, хихикала и увлечённо смотрела на экран. То, что там творилось, очевидно, её вполне устраивало. И абсолютно не изумляло.

Остальные зрители тоже вели себя, как раньше: создавалось впечатление, что они продолжают смотреть фильм! Невесть откуда взявшееся лицо видела лишь одна я.

Вглядевшись в застывшие черты, я внезапно поняла причину их неподвижности. Человек на экране был мёртв! Следом пришло и другое страшное озарение. Боже, я действительно знала его. И при этом никогда не видела таким.

Отец! Ведь это был он! Так, наверное, выглядит он сейчас, после месяца, проведённого в холодной могиле.

Крик застрял у меня в горле, дыхание перехватило. Я сидела неподвижно, уставившись прямо перед собой. В голове колотилась одна-единственная мысль: такого не может быть! Это сон!

Нужно закрыть глаза и просто дождаться конца сеанса. Растерянная, уничтоженная, я не сразу заметила, что в зале творится неладное.

Откуда-то снизу раздался протяжный вопль. Следом – треск, грохот и снова женский крик. Захлёбывающийся, отчаянный. «Террористы»! – осенило меня. Я вскочила и стала напряжённо вглядываться в полумрак. Внизу, в районе первых рядов, шла непонятная возня. Вскоре мне удалось разглядеть, что происходит. Но поверить в такое было невозможно.

Красные бархатные кресла качались, ходили ходуном, ломались и проваливались куда-то под пол вместе с сидевшими на них зрителями. Ошарашенные, перепуганные люди визжали, шарахались в разные стороны,

вскакивали, цеплялись друг за друга, силясь удержаться на поверхности, но проваливались вниз.

– Пожар! Землетрясение! – истерично завопил подросток в клетчатой парке. В руке он судорожно сжимал коробочку с попкорном.

Сидевшие на целых ещё рядах изо всех сил пытались взобраться наверх, хватались за кресла и ступени, соскальзывали. Те, чьи места с краю, выбегали в проход и, спотыкаясь, бежали наверх, к выходу.

В зале по-прежнему было темно. Электричество, по всей видимости, отключилось, и мрак усиливал хаос и панику. Какая-то женщина, подхватив на руки ребёнка лет пяти, вцепилась в ногу мужчины в кожаной куртке. Тот, обезумев, ничего не соображая от ужаса, карабкался по обломкам кресел, похожий на огромного чёрного паука. Он стряхивал руку женщины, но ему никак не удавалось от неё отцепиться. Тогда он зарычал и принялся пинать несчастную ногой. Один из ударов пришелся по голове ребёнка. Женщина на миг ослабила хватку и тут же обрушилась в дыру вместе с малышом. Не удалось спастись и мужчине: время было упущено, и его тут же утащило вниз лавиной падающих тел и разломанной мебели.

– Что происходит? – беспомощно повторяла я. Понимала, что надо бежать, но не могла пошевелиться. Ира тоже вскочила и встала рядом со мной. Она говорила что-то, настойчиво теребила меня за рукав, но из-за шума и криков я не могла разобрать ни слова.

Куда, куда они все падают?! Ведь там, внизу, должны быть два первых этажа торгового центра! Магазинчики, кафе, эскалаторы… И люди. Много людей: сегодня вечер пятницы! Почему никто ничего не предпринимает? Где охрана, полиция, спасатели, врачи?

Такое впечатление, что вся нормальная жизнь внезапно исчезла. Нет больше ничего и никого, только этот ужас, вопли, стоны, боль и смерть. В дыре под полом кинозала было темно. Люди проваливались в гулкую пустоту, их голоса постепенно таяли, словно пострадавшие летели в пропасть.

Никто не спешил им на помощь! Или некому было спешить? Яма ширилась, словно немыслимое чудовище раззявило щербатый рот. В образовавшуюся

прореху провалились уже четыре ряда, а ненасытная пасть проглатывала новые и новые кресла.

Те, кому повезло сидеть высоко, как нам с Ирой, вели себя по-разному. Одни замерли, словно одеревенев, уставившись вниз. Другие, придя в себя и сориентировавшись, подбегали к плотно закрытой двери в зал и колотили по ней, надеясь вырваться. Лишь немногие устремились к гибнущим людям, пытаясь помочь им вылезти из провала.

И за всем этим ирреальным кошмаром наблюдало мёртвое папино лицо. Бросив взгляд на экран, я словно очнулась. Мне удалось стряхнуть с себя оцепенение, и я завопила, развернувшись к Ире всем корпусом:

– Бежим! Быстрее! Мы можем успеть!

Я поволокла Косогорову наверх, к двери. Та почему-то вырывалась, с силой отбивалась и тоже кричала в ответ. Тащить Иру было тяжело, она намного крупнее меня, но не могла же я бросить её здесь!

– Ирка, – прокричала я, стараясь перекрыть вой и грохот, – я же не сумею нести тебя! Ты тяжёлая! Пожалуйста, не стой! Помоги мне! Не бойся, мы выберемся!

Я видела перед собой ее перепуганное лицо и хотела сказать что-нибудь успокаивающее и доброе, но в этот момент в кинозале внезапно зажёгся свет. Я сощурилась и заморгала привыкшими к темноте глазами. Отпустила Иркину и хотела сказать: «Видишь, свет дали! Значит, нас сейчас будут спасать!»

Но так и не произнесла ни слова.

Круглые светильники под потолком освещали просторный зал, украшенные лепниной стены, убегающие наверх ряды бархатных красных кресел. Кинозал был полон: зрители сидели на своих местах, кто-то пил колу, кто-то грыз попкорн. На экране натужно шутили актёры. Папино лицо исчезло. Никакого провала не было и в помине.

Ничего не изменилось, и лишь я столбом торчала посреди зала. Рядом со мной стояла верная Ира, красная от смущения и усыпанная крошками от печенья.

Женщина с ребёнком, несколько минут назад с криком провалившаяся в бездну у меня на глазах, теперь смотрела в мою сторону, округлив от удивления накрашенный рот. Мужчина, который ногой спихнул её в пропасть, сидел тут же, рядом, по-хозяйски обнимая мальчика за плечи. Малыш повертел круглой головой и вдруг громко спросил:

– Мам, а почему та тетя кричала? Она что, сумасшедшая?

– Дин, пойдём, а? – умоляюще произнесла Ира.

Через десять минут мы вышли на улицу, кое-как отбившись от администратора, которая утверждала, что нужно оплатить штраф. Нечего буянить в общественном месте!

Слегка отошедшая от потрясения Ира втолковывала ей, что мы приличные девушки, совершенно трезвые («Хотите, алкотест пройдём?»). Просто у одной из нас случился припадок. На нервной почве.

Я молчала. Сил на объяснения и оправдания не было. Я еле держалась на ногах. Адски болела голова.

Администратор сменила гнев на милость. Видимо, мой потерянный вид и бледно-зелёный цвет лица смогли ее убедить. Суровое администраторское сердце смягчилось, и она пригласила нас пройти к ней в кабинет, попить воды, посидеть пару минут.

Ирина решительно отказалась за нас двоих, и мы пошли к выходу. И ей, и мне хотелось оказаться как можно дальше от торгового центра.

– Ты, наверное, больше со мной никуда не пойдёшь, – выдавила я.

– Да ладно тебе, брось! – не слишком убедительно возразила Ира, которая смотрела с плохо скрываемым страхом.

Поколебавшись, я спросила:

– Ир, я что, кричала?

– Ещё как! Вопила! Вскочила, звала бежать. Спасаться, что ли…

– Ясно, – коротко бросила я и побрела к машине. – Тебя подбросить?

Косогорова не двигалась с места и молчала, словно хотела сказать что-то.

– Боишься со мной ехать? Извини, не подумала!

– Нет, конечно! – округлив глаза, затрясла головой Ира. – Чего бояться? Подбрось, если не сложно. С тобой раньше случалось… подобное?

На ее простодушном лице отчетливо читались любопытство и жалость.

– Никогда, – я забралась в салон и почувствовала себя увереннее. Ира уселась на пассажирское сиденье. – В первый раз. Вернее, во второй… И так ясно, правдоподобно… Не понимаю. Ты нашим не говори, ладно?

– За кого меня принимаешь! Ты не сердись, но… К врачу не хочешь сходить?

– Тоже думаешь, я сумасшедшая?

– Ничего я не думаю! Но у тебя же галлюцинации! Это не может быть просто так!

– Может, устала? Сплю плохо.

Я и сама не верила в этот детский лепет, но нужно же было что-то сказать.

– Ладно, Ириш, схожу, наверное.

Автомобиль влился в общий поток, и торговый центр скрылся за поворотом.

– Вот и умница, – успокоилась Косогорова.

Понятно, что ей хотелось сменить скользкую тему. Мы не были настолько близки, чтобы воспринимать боль подруги как свою. Сочувствие сочувствием, но зачем вешать на себя чужие проблемы?

Доставив Иру домой, я зашла в аптеку и купила успокоительное посильнее и подороже. Если дело в нервах и бессоннице, то с ними следовало бороться жёстче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/albina-nuri/ocharovannaya-mrakom-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить